
ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Выработка позиции СССР по вопросу вступления в войну с Японией

Вопросы места и роли СССР в борьбе народов против милитаристской Японии с первых лет японской агрессии в Азиатско-Тихоокеанском регионе находились в центре внимания советского руководства.

Отношения Советского Союза со своим соседом Китаем в годы японской агрессии строились на основе подписанного 21 августа 1937 г. договора о ненападении. Согласно первой статье этого договора стороны взаимно обязывались не оказывать ни прямой, ни косвенной поддержки державе или державам, совершившим нападение на одну из сторон, и в течение всего конфликта воздерживаться от всяческих действий или соглашений, которые могли бы неблагоприятно отразиться на стороне, подвергшейся нападению. Договор не возлагал на советскую сторону прямого обязательства помогать Китаю в войне против Японии, но и не препятствовал осуществлению такой помощи, не давая Японии формального повода обвинять СССР в его антияпонской направленности.

Китайская сторона не была полностью удовлетворена содержанием договора. Чан Кайши ставил задачу вовлечь Советский Союз в китайско-японскую войну. Он предлагал заключить китайско-советский военный союз или подписать специальный пакт о взаимопомощи. 26 ноября 1937 г. китайский руководитель направил И. В. Сталину телеграмму с просьбой послать советские войска в Китай «для спасения опасного положения в Восточной Азии»¹. Впоследствии Чан Кайши неоднократно командировал своих специальных представителей с личными посланиями к И. В. Сталину и другим советским руководителям с целью убедить их в необходимости вступления СССР в войну против Японии.

Для Советского Союза было очевидно, что противодействие Китая японской агрессии способствует отвлечению, хотя бы временно, японских вооруженных сил от реализации планов нападения на советские дальневосточные районы. Исходя из этого, а также поддерживая справедливую войну Китая против японских захватчиков, СССР оказывал китайскому правительству значительную финансовую и материальную помощь, включая вооружение, направлял военных советников и инструкторов. В то же время стратегия Советского Союза

состояла в том, чтобы избежать войны на два фронта — на Западе и Востоке, и эта стратегия сохранялась до 1945 г., что не помешало СССР дать решительный отпор японским вооруженным вылазкам в районе озера Хасан (1938) и реки Халхин-Гол (1939).

США обратились к Советскому Союзу за помощью в ведении войны против Японии сразу же после нападения японских вооруженных сил на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. Уже на следующий день Вашингтон поставил вопрос о предоставлении американским ВВС баз на советском тихоокеанском побережье. А 11 декабря посол СССР в США М. М. Литвинов передал президенту Ф. Рузвельту ответ советской стороны, в котором говорилось, что когда Советский Союз ведет тяжелые бои против гитлеровской Германии, предпринять такой шаг было бы рискованно, так как Япония может атаковать СССР².

Впоследствии с американской стороны просьбы предоставить американским ВВС базы для бомбардировок Японии на советском Дальнем Востоке продолжали поступать. США, Великобритания и Китай были весьма заинтересованы во вступлении СССР в войну с Японией. Так, 20 декабря 1941 г. находящийся в Москве министр иностранных дел Великобритании А. Иден в ходе беседы с И. В. Сталиным обратился с просьбой об оказании помощи в борьбе с Японией. Советский руководитель ответил, что СССР в настоящий момент еще не готов к этому³. А в августе 1942 г. эта тема была поднята специальным представителем президента США А. Гарриманом на встрече с И. В. Сталиным. Глава советского правительства заявил, что Япония исторически является русским противником и ее поражение имеет существенное значение, и хотя обстоятельства не благоприятствуют советскому участию в войне на Дальнем Востоке, СССР в свое время, несомненно, вступит в нее⁴.

Вполне объяснимо, что после нападения Германии на Советский Союз основная задача советской политики на Дальнем Востоке заключалась в том, чтобы не допустить возникновения второго, восточного фронта. Советское руководство серьезно опасалось возможности войны на два фронта и стремилось не давать Японии оснований для нападения на СССР. Посол СССР в США М. М. Литвинов на встрече с американскими журналистами 10 августа 1942 г. заявил, что Россия не будет предоставлять Соединенным Штатам право использовать базы во Владивостоке и Сибири, так как это втянет Россию в войну с Японией, а Россия хотела бы избежать возникновения для нее второго фронта на Востоке, который раздробит ее силы. Советский посол, писала газета «Вашингтон пост», одновременно заявил о «тяжелой ответственности, которая ложится на плечи союзных лидеров, отказывающихся открыть второй фронт»⁵.

Вашингтон, пытаясь втянуть СССР в войну с Японией, в то же время уклонялся от активных действий в Европе. 14 августа 1942 г. советник посольства СССР в США А. А. Громько сообщил В. М. Молотову, что за последние год-два США неизмеримо укрепили свою военную мощь, но в «этой подготовке нет, однако, целеустремленности направить основную массу своих ресурсов против Гитлера как основного и наиболее опасного врага. Правительство США основную массу этих ресурсов направляет против Японии»⁶.

В свою очередь, министр иностранных дел Великобритании А. Иден, сообщая У. Черчиллю о своей встрече с И. В. Сталиным в декабре 1941 г., писал, что советский руководитель считает вероятным нападение Японии на СССР⁷. Об этом свидетельствует и письмо И. В. Сталина У. Черчиллю от 3 сентября 1941 г.: «Советский Союз не считает возможным нарушать договоры, в том числе и договор с Японией о нейтралитете. Но если Япония нарушит этот договор и нападет на Советский Союз, она встретит должный отпор со стороны советских войск»⁸. Вероятность японской агрессии в отношении СССР была вполне реальна, особенно с учетом успехов немецкого продвижения в глубь советской территории. При этом советское правительство подчеркивало важность открытия второго фронта, что позволило бы Советскому Союзу противостоять не только Германии, но и Японии, если она начнет войну против СССР.

Впервые советское руководство информировало США о намерении СССР вступить в войну против Японии в ходе Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Тогда состоялась беседа И. В. Сталина с гос-

секретарем США К. Хэллом, в ходе которой советский руководитель заявил, что Советский Союз поможет американским и британским войскам одержать победу над Японией после разгрома Германии. Однако эту информацию, по просьбе главы советского правительства, следовало передать Ф. Рузвельту в совершенно секретном порядке. Госсекретарь незамедлительно сообщил об этой беседе президенту США специальным шифром. В своих мемуарах К. Хэлл отметил, что был «поражен прямым, точным и ясным обещанием И. Сталина»⁹.

На Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) перед советской делегацией стояла главная цель — добиться от США и Великобритании твердого обязательства открыть второй фронт в Европе в 1944 г. Союзники же, прежде всего Ф. Рузвельт, были заинтересованы получить от И. В. Сталина обещание вступить в войну с Японией. Зная о подобных ожиданиях Вашингтона и Лондона, советская делегация уже в самом начале конференции дала позитивный ответ на них, что было положительно встречено американским президентом, который начал 28 ноября первое пленарное заседание конференции с обсуждения войны на Тихом океане, и советская позиция подкрепила его настрой на скорейшее открытие второго фронта в Европе, способствуя преодолению пассивно-негативного подхода к этой проблеме У. Черчилля.

После выступления Ф. Рузвельта с обзором стратегии США в войне с Японией выступил И. В. Сталин: «Мы, русские, приветствуем успехи, которые одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане. К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей, потому что наши силы заняты на Западе и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы держать оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда — общим фронтом на Японию»¹⁰.

29 ноября 1943 г. Ф. Рузвельт вручил И. В. Сталину две памятные записки. В первой, озаглавленной «Предварительное планирование военно-морских операций в северо-западной части Тихого океана», ставился вопрос о прямой или косвенной помощи СССР, «если бы Соединенные Штаты начали наступление на северную группу Курильских островов», о возможности использования советских дальневосточных портов вооруженными силами США в войне с Японией, о целесообразности расширения военно-морских баз США для приема советских подводных лодок и эсминцев при опасности нападения со стороны Японии в случае открытия военных действий между СССР и Японией, а также о желательности получения военно-разведывательной информации о Японии. Во второй записке, озаглавленной «Предварительное планирование военно-воздушных операций в северо-западной части Тихого океана», предлагалось немедленно приступить к подготовке условий для приема от 100 до 1000 американских четырехмоторных бомбардировщиков в Приморском крае с целью разрушения японских промышленных центров сразу же после начала войны между СССР и Японией¹¹.

И. В. Сталин принял эти записки для изучения. Ответ был дан В. М. Молотовым на встрече с послом США А. Гарриманом 25 декабря 1943 г. По сути, советская сторона позитивно реагировала только на обращение о снабжении США военной разведывательной информацией, касающейся Японии. Положительного ответа на другие вопросы относительно антияпонского военного сотрудничества не последовало со ссылкой на то, что они либо требуют дальнейшего изучения, либо их реализация представляется затруднительной¹².

На Тегеранской конференции между лидерами большой тройки впервые состоялся обмен мнениями о возможных условиях вступления Советского Союза в войну против Японии. Вообще, обсуждение вопросов войны с Японией планировалось на заседаниях Каирской конференции руководителей США, Великобритании и Китая (конец ноября 1943 г.), в которых Советский Союз не принимал участия, но в качестве наблюдателя там присутствовал заместитель министра иностранных дел А. Я. Вышинский. И выраженное в ходе Тегеранской конференции согласие И. В. Сталина с положениями Каирской декларации о лишении

Японии территорий, «захваченных при помощи силы и в результате своей алчности», свидетельствовало о намерении СССР вернуть по меньшей мере Южный Сахалин, который Япония захватила в результате поражения России в развязанной Токио войне.

В ходе бесед в рамках конференции президент США по собственной инициативе поднял вопрос о предоставлении Советскому Союзу выхода к теплым морям на Дальнем Востоке. При этом Ф. Рузвельт говорил о Порт-Артуре и Дайрене (Дальнем), которыми ранее пользовалась Россия на правах аренды¹³. Он предложил превратить Дайрен в свободный порт, а И. В. Сталин высказался за использование Порт-Артура в качестве военно-морской базы. У. Черчилль, традиционно настроенный не идти на серьезные уступки Советскому Союзу, не выдвинул против этого каких-либо возражений, а напротив, говорил о согласии с тем, «чтобы советский флот плавал свободно во всех морях и океанах... Мы будем рады видеть русские суда на Тихом океане и одобряем восполнение потерь, понесенных Россией в русско-японской войне»¹⁴.

Японскому руководству не было известно о тегеранских договоренностях, касающихся Японии. Однако в Токио по мере все новых побед советских войск над немецко-фашистским агрессором и на фоне укрепления союзнических связей СССР, США и Великобритании начали более определенно проявляться опасения относительно того, что Москва может отказаться от пакта о нейтралитете. Японской дипломатией в 1943–1944 гг. были предприняты усилия, направленные на то, чтобы получить от советского руководства подтверждения позиции о соблюдении нейтралитета. С этой целью Япония начала демонстрировать «стремление улучшить свои отношения с Советским Союзом» и пошла на ликвидацию японских угольных и нефтяных концессий на Северном Сахалине (предоставленных под японским давлением при установлении дипломатических отношений в 1925 г.¹⁵), о чем была достигнута советско-японская договоренность 30 марта 1944 г. Советская сторона обязалась при этом выплатить компенсации в размере 5 млн рублей.

И. В. Сталин в беседе 2 февраля 1944 г. с послом США А. Гарриманом оценил указанное изменение японской позиции относительно концессий, несмотря на то что Япония была весьма заинтересована продолжать получать северосахалинские нефть и уголь, как свидетельство того, что «японцы очень напуганы, они очень беспокоятся за будущее... Японцы всячески стараются расположить нас в их пользу... идут на большие уступки»¹⁶.

Одновременно японское руководство, предвидя поражение фашистской Германии, предприняло попытку спасти немецкого союзника, а заодно и посеять недоверие между Вашингтоном и Лондоном с одной стороны и Москвой с другой путем предложения своих посреднических усилий по прекращению советско-германской войны. Несмотря на ясно выраженную позицию советского правительства о невозможности заключения мира с фашистской Германией и требование о безоговорочной капитуляции немецких войск, высокопоставленные японские деятели, в том числе министр иностранных дел М. Сигэмицу и военный министр Г. Сугияма, неоднократно (последний раз в сентябре 1944 г.) ставили перед Москвой вопрос о приеме японской «специальной миротворческой миссии». Токио неизменно получал отказ советского руководства обсуждать с японской стороной вопрос о каких-либо переговорах с Германией для заключения мира¹⁷.

Уже через семь месяцев после совещания в Тегеране Ф. Рузвельт и У. Черчилль стали предлагать провести новую встречу большой тройки. Такая настойчивость не в последнюю очередь была связана с намерением поторопить Советский Союз с принятием решения о вступлении в войну с Японией. Однако И. В. Сталин, ссылаясь «на обстоятельства, связанные с военными операциями на фронте», отклонял эти предложения.

В начале октября 1944 г. в Москву в сопровождении министра иностранных дел Великобритании А. Идена прибыл английский премьер-министр У. Черчилль. В ходе переговоров, в которых принимал участие посол США в СССР А. Гарриман, обсуждались и планы участия Советского Союза в войне против Японии. В разговоре с А. Гарриманом и А. Иденом И. В. Сталин заявил, что через три месяца после поражения Германии СССР выступит против Японии при условии, если США окажут ему помощь в создании необходимых для этого

материальных запасов и если будут прояснены политические аспекты участия СССР в войне на Дальнем Востоке. Глава советского правительства представил список советских заявок на американские поставки, которые впоследствии составили основу программы «Майлпост»¹⁸.

14 октября глава американской военной миссии в Москве генерал-майор Дж. Дин во время встречи И. В. Сталина с У. Черчиллем ознакомил советского руководителя со стратегическими задачами, которые США намеревались возложить на СССР в войне с Японией: ликвидация Квантунской армии; обеспечение развертывания ВВС США и СССР на Камчатке и в Приморье для бомбардировки Японии; сотрудничество с ВМС и ВВС США, в том числе предоставление им базы ВМС и баз ВВС на Камчатке; оккупация Южного Сахалина. При этом Дж. Дин подчеркнул, что США рассчитывают на вступление СССР в войну с Японией в самые кратчайшие сроки, через полтора-два месяца после капитуляции Германии, и немедленное начало планирования операций против Японии. При этом И. В. Сталин заверил союзников в том, что СССР вступит в войну с Японией, но на определенных политических условиях¹⁹.

Впервые глава советского правительства сформулировал условия вступления СССР в войну с Японией на встрече с послом А. Гарриманом, причем по инициативе последнего, 14 декабря 1944 г. «Советский Союз, — сказал И. В. Сталин, — хотел бы получить Южный Сахалин, то есть вернуть то, что было передано Японии по Портсмутскому договору, а также получить Курильские острова. Кроме того, в Тегеране президент по собственной инициативе поднял вопрос о предоставлении Советскому Союзу выхода к теплым морям на Дальнем Востоке. При этом президент говорил о Порт-Артуре и Дайрене, которыми пользовалась раньше Россия на условиях аренды. Советский Союз хотел бы восстановить пользование на условиях аренды этими портами, а также ведущей к ним через Мукден, Чанчунь, Харбин железной дорогой и Китайско-Восточной железной дорогой, которая сокращает Советскому Союзу пути сообщения с Владивостоком. При этом Китай должен полностью сохранить свой суверенитет на территориях, по которым проходят эти дороги. Далее советское правительство желает, чтобы было полностью сохранено статус-кво Внешней Монголии»²⁰.

В Государственном департаменте США посчитали территориальные пожелания советского лидера чрезмерными и предложили президенту США передать после войны Южный Сахалин и Курильские острова под международную опеку. В свою очередь, внешнеполитическое ведомство Великобритании полагало, что требования Советского Союза в отношении Южного Сахалина носили законный характер, а в отношении Курильских островов — не соответствовали условиям Каирской декларации, поскольку они были приобретены Японией не в результате войны, а по российско-японскому соглашению мирного времени (по договору 1875 г. за Россией признавалось владение островом Сахалин, а за Японией — всеми Курильскими островами)²¹.

При этом игнорировался тот факт, что на переговорах в Портсмуте после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. японская делегация заявила о том, что война аннулировала все прежние двусторонние договоры, касающиеся территориального размежевания между двумя странами. Таким образом, у Советского Союза были все основания считать вопрос о Курильских островах подпадающим под соответствующие положения Каирской декларации.

Президент США не принял предложения американского Госдепартамента и британского МИДа. Ф. Рузвельт, узнав о запросах И. В. Сталина, «был поражен их скромностью, так как они касались лишь восстановления территориальных прав, отобранных у России Японией во время войны 1904–1905 гг.»²².

На Ялтинской (Крымской) конференции (4–12 февраля 1945 г.), где главное внимание было уделено европейским проблемам в связи с приближающимся полным разгромом фашистской Германии, эти условия И. В. Сталина составили основу для обсуждения проблем Дальнего Востока. Хотя эти вопросы не фигурировали в качестве центральных, поскольку, по сути, они были решены на встрече И. В. Сталина и Ф. Рузвельта 8 февраля 1945 г.

Еще до начала обсуждения на Ялтинской конференции дальневосточных проблем Ф. Рузвельт направил И. В. Сталину послание, в котором содержалось согласие с условиями

СССР вступления в войну против Японии. В своих мемуарах А. А. Громыко, в то время посол СССР в США, подробно рассказал о реакции И. В. Сталина на послание американского президента. Попросив перевести послание, И. В. Сталин, «по мере того как я говорил, просил повторить содержание той или иной фразы. Письмо посвящалось Курильским островам и Сахалину. Рузвельт сообщал о признании правительством США прав Советского Союза на находившуюся под японской оккупацией половину острова Сахалин и Курильские острова. Этим письмом Сталин остался весьма доволен»²³.

Ф. Рузвельт не только не считал советские условия вступления в войну с Японией чрезмерными или неприемлемыми, но, судя по всему, был готов пойти на удовлетворение и более существенных советских запросов. Американский президент, размышляя о будущем международных отношений после войны, рассчитывал на создание такой системы, при которой были бы обеспечены прочный мир и безопасность, а гарантами этого выступали бы прежде всего США и СССР. Поэтому он придавал чрезвычайно важное значение поддержанию дружеских, доверительных отношений с советским руководителем, желая видеть в нем не соперника и тем более не противника, а единомышленника.

В свою очередь, И. В. Сталин пошел навстречу просьбам Ф. Рузвельта. На заседании 8 февраля американский президент получил согласие советского руководителя на предоставление США авиабаз в Комсомольске-на-Амуре или Николаевске для бомбардировок Японии. Не исключалась возможность предоставления таких баз и на Камчатке. И. В. Сталин согласился с просьбой Ф. Рузвельта о предоставлении возможности снабжать по морю необходимыми материалами американские авиабазы в Приамурье, но при этом исключил участие Советского Союза в оказании помощи США в войне с Японией вплоть до вступления СССР в эту войну на стороне союзников. А затем поинтересовался мнением Ф. Рузвельта о политических условиях, которые он сообщил 14 декабря 1944 г. А. Гарриману. Президент ответил, что «южная часть Сахалина и Курильские острова будут отданы Советскому Союзу» в конце войны. При этом глава советского правительства пояснил, что хочет вернуть России ранее ей принадлежавшее. На это Ф. Рузвельт сказал: «Это представляется мне весьма обоснованным предложением нашего союзника. Русские хотят вернуть себе то, что у них было отторгнуто»²⁴.

Американский президент подтвердил свое предложение, сделанное в Тегеране, чтобы Советский Союз получил Дайрен как свободный порт, умолчав о Порт-Артуре, поскольку он еще не беседовал по данному вопросу с Чан Кайши, как и о статус-кво Внешней Монголии, то есть о сохранении провозглашенной ею в 1921 г. независимости от Китая. По китайско-монгольскому Кяхтинскому соглашению 1915 г. Монголии предоставлялась автономия, а не независимость от Китая. Относительно аренды КВЖД Советским Союзом Ф. Рузвельт выразил уверенность в возможности найти способ доступа СССР к этой дороге после его беседы с Чан Кайши. При этом он говорил не об аренде, а установлении над ней контроля со стороны смешанной советско-китайской комиссии. Была достигнута договоренность, что эти условия вступления Советского Союза в войну с Японией будут носить совершенно секретный характер. По вопросу о Корее, после изгнания японцев, стороны договорились об установлении, насколько это возможно, короткого срока опеки со стороны СССР, США и Китая, имея в виду по истечении этого срока предоставить ей независимость. В заключение беседы И. В. Сталин одобрил усилия союзников по объединению на севере Китая сил Чан Кайши и коммунистов в интересах единого фронта против Японии.

В выработке соглашений по дальневосточным проблемам У. Черчилль фактически не участвовал либо предварительно не информировался о договоренностях по ним И. В. Сталина и Ф. Рузвельта. Неслучайно министр иностранных дел Великобритании А. Иден рекомендовал У. Черчиллю не подписывать ялтинское соглашение по вопросам Дальнего Востока в связи с тем, что ни Великобритания, ни Китай не участвовали в переговорах о его содержании. Однако английский премьер-министр, исходя из того, что это соглашение не затрагивает серьезно британские интересы, и учитывая просьбу союзников, подписал его²⁵.

У. Черчилль признавал в своих мемуарах: «Дальний Восток не играл никакой роли в наших официальных переговорах в Ялте»²⁶.

По итогам беседы И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом 8 февраля был подготовлен совершенно секретный документ — Ялтинское соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока, которое 11 февраля подписали их руководители.

Соглашение предусматривало вступление Советского Союза в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии при условии:

«1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза; при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов».

При этом в соглашении особо подчеркивалось, что «главы правительств трех великих держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией»²⁷. Этот пункт — убедительный аргумент против тех заключений определенных исследователей и политиков, которые в 1950-е гг. начали утверждать, что ялтинские соглашения являются не более чем декларацией согласованных позиций союзников для завершения Тихоокеанской войны, неким «протоколом о намерениях». Нет сомнения, что положения этого соглашения носят юридически обязательный характер для стран-подписантов.

Другое дело, что в конце 1940-х гг. США начали, руководствуясь логикой холодной войны, отказываться или пересматривать соглашения с Советским Союзом военного времени. Это проявлялось в их курсе на подготовку мирного договора с Японией, когда Вашингтон, стремясь создать в советско-японских отношениях территориальную проблему, придумал «юридический казус» — включил в текст договора статью, по которой Япония «отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.», не упомянув, однако, что эти территории возвращаются и отходят к Советскому Союзу, как это было предусмотрено Ялтинским соглашением. Поскольку в тексте статьи не говорится, в пользу какой страны изымаются эти территории, возник юридический казус — отсутствие фиксации их принадлежности какой-либо стране.

Подписывая Ялтинское соглашение, предусматривавшее вступление Советского Союза в войну против Японии, советское руководство наряду с выполнением союзнического долга исходило из национальных интересов страны. Несмотря на наличие пакта о нейтралитете, СССР справедливо рассматривал угрозу своей безопасности со стороны Японии в качестве вполне реальной. На протяжении всей войны против фашистской Германии Советский Союз вынужден был держать на Дальнем Востоке крупную группировку войск — от 15 до 30% боевого состава своих вооруженных сил. В начале мая 1945 г., то есть до начала массовой переброски советских войск на Дальний Восток, дальневосточные границы прикрывала группировка численностью около 1,2 млн человек²⁸. Таким образом, японская угроза вынуждала советское руководство держать крупные формирования вооруженных сил на Дальнем Востоке, столь необходимые СССР в боевых действиях против нацистской Германии.

Китайский фронт и его учет во внешней политике СССР

Китай в работе Ялтинской конференции не участвовал по двум основным причинам. Во-первых, приглашение главы гоминьдановского правительства означало бы открытое признание того, что на встрече обсуждались и дальневосточные проблемы, а по мнению союзных держав, это было преждевременно. Кроме того, имелись серьезные опасения, что китайские представители не смогут сохранить в секрете ялтинские договоренности относительно вступления Советского Союза в войну против Японии.

На конференции в Крыму стороны пришли к единому мнению ничего не сообщать китайцам о ялтинских договоренностях по дальневосточным проблемам до тех пор, пока для этого не наступит подходящий момент. И. В. Сталин считал, что это можно будет сделать после переброски с западного фронта на Дальний Восток 20–25 дивизий. Очевидно, что сохранение секретности диктовалось необходимостью обеспечить незаметную переброску советских войск, не спровоцировав Японию на упреждающие контрудары, исключить возможные попытки Токио выйти из войны, заключив секретное соглашение с Китаем.

Вместе с тем у участников Ялтинской конференции имелось понимание, что договоренности, касающиеся китайских интересов, будут окончательно решены между Советским Союзом и Китаем на двусторонней основе. В Ялтинском секретном соглашении был пункт о том, что Советский Союз заключит «с национальным китайским правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига»²⁹.

Китайская сторона была ознакомлена с договоренностями Ф. Рузвельта, У. Черчилля и И. В. Сталина относительно условий вступления Советского Союза в войну с Японией лишь в ходе советско-китайских переговоров по заключению двустороннего договора о дружбе и союзе, проходивших с 30 июня по 14 августа 1945 г. Существенное значение имело обязательство СССР во всех вопросах советско-китайских отношений иметь дело только с центральным правительством Китайской Республики как единственно законным, что рассматривалось последним как отказ Москвы от оказания помощи КПК в ее борьбе за свержение гоминьдановского режима.

Следует отметить, что при выработке советской политики в отношении Китая на завершающем этапе Второй мировой войны советское правительство исходило из того, что отношение руководителей США и Великобритании к китайскому союзнику было неоднозначным. С одной стороны, звучали, особенно от американцев, заявления о том, что период «зависимых отношений» ушел в прошлое. С другой — когда чанкайшистское правительство поставило на конференции в Квебеке 11–24 августа 1943 г. вопрос о предоставлении Китаю равного с союзниками положения в военно-стратегических межсоюзнических органах и совещаниях, ему в этом отказали, поскольку Вашингтон и Лондон не собирались допускать китайцев к участию в определении союзнической стратегии. Президент Чан Кайши был приглашен на Каирскую конференцию 22–27 ноября 1943 г., однако с ним обсуждались только дальневосточные вопросы. Особо отрицательно к полноправному подключению Китая к американско-английским совещаниям по всем стратегически проблемам относился Лондон. У. Черчилль опасался остаться в меньшинстве в случае блокирования США с Китаем, что представлялось вполне вероятным.

Президент Ф. Рузвельт неоднократно выражал недовольство деятельностью Чан Кайши, который, по его заключению, предпочитал не воевать с японцами, а был озабочен главным образом проблемой сохранения власти над Китаем и сдерживанием КПК и не спешил использовать полученную американскую помощь в войне с японскими войсками. Вместе с тем американский президент полагал, что при всех недостатках Чан Кайши более сильной фигуры в Китае не существует³⁰.

Китайский фронт являлся важнейшей составной частью военных действий на Азиатско-Тихоокеанском театре войны. Протяженность китайско-японского фронта достигала

5 тыс. км. В войне участвовали китайская армия численностью до 5 млн человек, японская армия — около 2 млн, войска марионеточного государства Маньчжоу-Го — свыше 1 млн. К концу 1930-х гг. Китай потерял треть своей территории с населением 170 млн человек, важнейшие сырьевые и промышленные центры.

Японское руководство рассматривало Китай в качестве источника материальных ресурсов, как базу для дальнейшей экспансии в Азиатском регионе. При этом Китай оценивался как слабое государство, находящееся в стадии раскола, неспособное к объединению и организации серьезного отпора японским войскам. И Китай, действительно, не мог создать прочный единый национальный фронт борьбы с японской агрессией. Главную роль в военных действиях играли вооруженные силы гоминьдановского правительства во главе с главнокомандующим Чан Кайши, который в целом пользовался поддержкой не только президента Ф. Рузвельта, но и И. В. Сталина.

В то же время Советский Союз способствовал созданию вооруженных сил КПК, которые вошли в состав Национально-революционной армии Гоминьдана. Однако эти войска (8-я и Новая 4-я армии КПК) избегали крупных сражений с японскими вооруженными силами. В свою очередь, Чан Кайши нередко проводил карательные походы против районов, находившихся под контролем КПК. В результате Япония имела возможность увеличивать состав Квантунской группировки войск, перебрасывая войска с китайско-японского фронта.

По мере поражений японских вооруженных сил на Тихоокеанском театре военных действий Япония стала уделять больше внимания укреплению своих позиций в Северном Китае. Он все более рассматривался японским командованием как военный плацдарм для предстоящей защиты собственно японской территории и, возможно, как база для передислокации руководящих органов страны в случае вступления союзных войск на Японские острова.

В апреле — декабре 1944 г. японская армия провела крупные наступательные операции в Южном Китае, разгромив около 100 гоминьдановских дивизий общей численностью до 700 тыс. человек, обеспечив сквозные коммуникации от Маньчжурии до Индокитая и захватив 36 американских аэродромов, размещенных в Китае. К лету 1945 г. японские войска захватили 45 крупнейших городов Китая, включая Пекин, Нанкин, Шанхай, Ханькоу, с населением более 60 млн человек. В руках Японии оказалось около 90% всей железнодорожной сети Китая. Лишь в середине 1945 г. союзникам удалось восстановить свои позиции в Южном Китае³¹, в значительной мере благодаря тому, что в конце июня японская императорская ставка приняла решение «увеличить мощь своих сил на Маньчжурском плацдарме и перебросить туда как можно большее количество войск, действовавших в Китае», и, соответственно, сократить масштабы военных действий на китайском фронте.

Хотя китайские войска в разное время насчитывали от 5 до 6 млн человек, они не смогли провести ни одной серьезной наступательной операции. Однако, несмотря на оккупацию к лету 1945 г. огромных территорий Китая, Японии не удалось полностью оккупировать страну и заставить гоминьдановское руководство капитулировать.

Война принесла огромные беды и разрушения Китаю. Председатель КНР Ху Цзиньтао, находясь в мае 2010 г. в Москве по случаю 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, отметил, что потери Китая в войне с Японией составили более 35 млн человек³².

Как известно из решений Ялтинской конференции, Советскому Союзу предстояло урегулировать с Китаем ряд важных вопросов. Подход к отношениям с Китаем после Ялты И. В. Сталин изложил на встрече с Г. Гопкинсом, который с 25 мая по 7 июня 1945 г. находился в Москве в качестве специального представителя президента Г. Трумэна. Г. Гопкинс начал обсуждение с советским руководством дальневосточных проблем с вопроса о том, выполнит ли Советский Союз обязательство вступить в войну с Японией, и заинтересовался приблизительной датой. И. В. Сталин заявил, что СССР будет готов к 8 августа, но прежде Китай должен принять советские пожелания, согласованные в Ялте. При этом И. В. Сталин подчеркнул, что Советский Союз «не намерен пересматривать вопрос о китайском суверенитете над Маньчжурией и другими районами Китая», также отметив, что «Внешняя Монголия, как

и в настоящее время, останется независимой республикой». Он определенно высказался в пользу того, что Китай должен быть единым суверенным государством³³.

Таким образом, важнейшим историческим фактом является то, что Советский Союз и Китай были союзниками во Второй мировой войне и внесли существенный совместный вклад в дело разгрома японского милитаризма.

Вступление Советского Союза в войну против Японии

После завершения конференции в Ялте советское руководство осуществило необходимые шаги по реализации принятых на ней решений. Прежде всего 5 апреля 1945 г. был денонсирован пакт о нейтралитете, то есть за год до истечения срока его действия, как это предусматривалось в третьей статье. В. М. Молотов, приняв в тот день японского посла Н. Сато, от имени советского правительства сделал следующее заявление: «Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией был заключен 13 апреля 1941 г., т. е. до нападения Германии на СССР и возникновения войны между Японией с одной стороны и Англией и Соединенными Штатами Америки с другой. С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможным. В силу сказанного выше... советское правительство настоящим заявляет правительству Японии о своем желании денонсировать пакт от 13 апреля 1941 года»³⁴.

Денонсировав пакт, Советский Союз однозначно дал понять японскому руководству о реальной перспективе вступления СССР в войну с Японией. Это было серьезное предупреждение японскому правительству о бесполезности дальнейших боевых действий. Однако в Токио отнеслись к нему легковерно и продолжали необоснованно рассчитывать на возможный раскол в рядах союзников или же, в прямом противоположном плане, — на влиятельное посредничество Москвы в достижении Токио почетного мира с Вашингтоном и Лондоном.

В Токио существовало мнение, что у них имеется запас времени — год до истечения срока действия пакта, до 13 апреля 1946 г. В ходе беседы японского посла с В. М. Молотовым, которая состоялась после заявления о денонсации пакта, Н. Сато настойчиво пытался добиться от советского наркома подтверждения того, что Советский Союз будет соблюдать нейтралитет до истечения пятилетнего срока действия. Конечно же, советский министр не мог обсуждать с послом Японии все варианты развития событий, ход которых в полной мере зависел от японского руководства, его решимости прекратить или продолжать войну. В конечном итоге В. М. Молотов дал дипломатичный, уклончивый ответ, пояснив, что по истечении пятилетнего срока действия договора советско-японские отношения, очевидно, вернуться к положению, которое было до его заключения. Японский посол отметил, что в таком случае японское правительство будет согласно с таким толкованием³⁵, хотя разъяснение министра никоим образом не давало повода японской стороне надеяться на то, что в случае продолжения ею агрессии СССР останется в стороне.

Если Советский Союз твердо настроен следовать ялтинским договоренностям с союзниками, то позиция Вашингтона после кончины Ф. Рузвельта 12 апреля 1945 г. и вступления на пост президента Г. Трумэна начала претерпевать серьезные изменения. Новый президент США первоначально заявлял о приверженности политике, проводимой его предшественником, однако одновременно начал ее пересмотр, полагая, что наступило время проводить жесткий курс по отношению к СССР.

Сторонником такого подхода выступал посол США в Москве А. Гарриман, который на встрече с Г. Трумэном 20 апреля и на заседании правительства в Белом доме 23 апреля ут-

верждал, что Советский Союз не выдержит противоборства с США и отступит при первых же признаках готовности Соединенных Штатов продемонстрировать силу. Он предложил пересмотреть ялтинские соглашения, в том числе касающиеся дальневосточных проблем. Конкретно, имелось в виду включить всю Корею в зону американской ответственности и усилить внимание к Китаю, чтобы не допустить преобладания в нем «влияния Кремля»³⁶. Г. Трумэн согласился с таким подходом и подчеркнул: «Русские нуждаются в нас более, чем мы в них. Я намереваюсь быть твердым в отношениях с советским правительством»³⁷.

Однако высшие американские военачальники, включая военного министра Г. Стимсона и начальника Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) Дж. Маршалла, хотя и не возражали в принципе против перехода Вашингтона к жесткой политике в отношении Москвы, но считали применение ее преждевременным до разгрома Японии, осуществить который, по их мнению, без советской помощи было крайне сложно.

Принимая во внимание необходимость участия СССР в разгроме японских вооруженных сил и принуждения страны к капитуляции, военное, военно-морское министерства, а также ОКНШ высказались против меморандума Госдепартамента от 12 мая 1945 г. за подписью исполняющего обязанности его главы Дж. Грю, в котором предлагалось обусловить выполнение США ряда ялтинских решений некоторыми дополнительными требованиями американской стороны. В том числе выдвигалось предложение побудить Советский Союз оказать давление на руководство китайской компартии с тем, чтобы «помочь нам в наших усилиях объединить Китай под руководством Чан Кайши», получить согласие Москвы на образование на американских условиях правительства для обеих частей Кореи. Особо примечательным было следующее положение меморандума: «Прежде чем мы дадим окончательное согласие на аннексию Советами Курильских островов, как оговорено в ялтинских соглашениях, желательно получить от советского правительства обещание разрешить нашим гражданским самолетам приземляться на этих островах».

Однако, по заключению военных ведомств, выдвижение дополнительных требований к СССР могло бы серьезно осложнить, а возможно, и вовсе лишить США советской военной помощи в разгроме Японии, но никоим образом не воспрепятствовать получению Москвой всего того, что ей «обещано в Ялте без всякого одобрения или согласия союзников»³⁸. И эта точка зрения возобладала.

Направленный американским президентом в Москву в качестве его личного представителя Г. Гопкинс, входивший в ближайшее окружение Ф. Рузвельта и пользовавшийся уважением и доверием советских руководителей, 28 мая 1945 г. на встрече с И. В. Сталиным отметил, что Объединенный комитет начальников штабов США нуждается в информации о возможных сроках вступления Советского Союза в войну против японских войск в Маньчжурии для того, чтобы увязать с этими сроками операции американских вооруженных сил. И. В. Сталин в ответ назвал 8 августа.

Что касается Японии, то в беседе с Г. Гопкинсом И. В. Сталин приветствовал решение требовать ее безоговорочной капитуляции, хотя и заявил, что «японцы будут сражаться до конца». Говоря о будущем Японии, советский руководитель высказался за «полное уничтожение японской милитаристской касты, которая в противном случае всегда попытается взять реванш», а также за то, чтобы покончить с институтом императора в Японии. «Если нынешний император, — сказал он, — предскажем, то следующий может иметь агрессивный характер». Тем не менее, как обратил внимание американский представитель, советский лидер «считал, что с Японией можно обойтись более снисходительно, чем с Германией»³⁹. Очевидно, И. В. Сталин исходил из того, что с точки зрения советских интересов Японию следует наказывать за прошлые агрессивные действия как в отношении России, так и Советского Союза, но учесть тот факт, что Япония на протяжении всей войны СССР с Германией и ее союзниками так и не решилась напасть на Советский Союз. В ходе беседы И. В. Сталин обозначил заинтересованность Советского Союза участвовать в послевоенной оккупации Японии.

Советские солдаты у моста через реку в Маньчжурии

Расчет советской 76-мм пушки меняет позицию

Моряки Амурской военной флотилии на улице города в Маньчжурии

Старший лейтенант Постригонь оказывает помощь раненому бойцу

С начала 1945 г. американские вооруженные силы прочно удерживали стратегическую инициативу на Тихоокеанском театре военных действий. Однако блокада Японских островов с моря и массированные авиационные бомбардировки японских городов не сломили решимости японского руководства продолжать войну. Япония продолжала контролировать обширную территорию — от Курильских островов на севере Тихого океана до Соломоновых островов на юге. В этом регионе боевые действия вели несколько японских армий.

Крупная группировка войск в составе восьми армий находилась в Китае. В Маньчжурии дислоцировались Квантунская группировка, включавшая пять армий. Кроме того, в подчинении японского военного командования находились войска марионеточных Маньчжоу-Го, нанкинского режима и кавалерийские части князя Дэвана (Тонлопа) Внутренней Монголии, а на Корейском полуострове дислоцировалась японская Корейская армия. С началом Советско-японской войны они действовали в составе 1, 3-го и 17-го фронтов Квантунской группировки⁴⁰. На территории собственно Японии имелись значительные сухопутные и военно-воздушные войска в составе нескольких армий и отдельных дивизий. Всего личный состав японских сухопутных войск насчитывал более 5,5 млн человек⁴¹.

По численности сухопутных войск на Азиатско-Тихоокеанском театре военных действий Япония превосходила сухопутные силы США и Великобритании почти в два раза, но в три раза уступала по количеству самолетов и почти в пять раз — по количеству боевых кораблей основных классов⁴². Правящие круги Японии рассчитывали на то, что ожесточенное сопротивление позволит не только затянуть войну, но и заставит США и Великобританию пойти на компромиссное завершение конфликта.

Американское военное командование, планируя в марте 1945 г. операции по разгрому Японии, исходило из необходимости осуществления высадки американских войск на острова собственно Японии в составе не менее 5 млн человек. При этом завершение боевых действий, учитывая опыт ожесточенных боев американских войск с японцами, планировалось в лучшем случае на конец 1946 г.⁴³ Что касается японских вооруженных сил в Китае, особенно мощной Квантунской группировки войск, то американский Объединенный комитет начальников штабов однозначно считал необходимым привлечь Советский Союз к «изгнанию японской армии с материка». Таким образом, высшее военное руководство США исходило из того, что полный разгром вооруженных сил Японии невозможен без участия советских войск⁴⁴.

Американские военные понимали, и это было отражено в доктрине ОКНШ, что заставить японцев капитулировать в короткий срок можно только путем нанесения решающего поражения стратегически важной группировке японских войск в огромном регионе северо-востока Китая и в Корее. Именно здесь имелись промышленная и сырьевая база, крупные стратегические запасы вооружений, что позволяло вести длительную войну, нанося большие потери американским войскам.

С учетом этого военное командование США не планировало участие американских войск в операциях в Маньчжурии, а доказывало политическому руководству страны необходимость привлечения Советского Союза к разгрому японских вооруженных сил в Китае. В противном случае, как утверждали американские военные стратеги, для окончательной победы на Японией потребуются дополнительно 18 месяцев войны, при этом американские потери составят более 1 млн погибших, а английские — свыше 500 тыс. человек⁴⁵. Военный министр Г. Стимсон писал исполняющему обязанности госсекретаря США Дж. Грю: «Вступление России в войну против Японии будет иметь далеко идущий военный эффект, почти определенно приведет к сокращению сроков войны и тем самым спасет американские жизни»⁴⁶.

Несмотря на активизацию в Вашингтоне противников участия СССР в войне против Японии, полагавших, что это приведет к росту авторитета и популярности Советского Союза в Азии, что не отвечало интересам США, американские военные убедили Г. Трумэна в необходимости сотрудничества с Советским Союзом в деле окончательного разгрома Японии. Как признавал в своих мемуарах Г. Трумэн, в связи с все более фанатичным сопротивлением японцев члены его кабинета, высшее военное командование и он сам «рассматривали вступление России в войну как все более настоятельное и необходимое»⁴⁷.

Экипаж советского бомбардировщика

Уничтоженная советскими войсками японская 150-мм бронешашенная установка

Советские солдаты на привале у костра

Брошенная японская техника

Только в битве за один остров Окинаву американцы потеряли более 41 тыс. солдат и офицеров. Именно поэтому, как отмечал американский президент, самая неотложная причина его поездки на Потсдамскую конференцию (17 июля — 2 августа 1945 г.) заключалась в том, чтобы «получить от Сталина личное подтверждение готовности вступить в войну против Японии»⁴⁸.

Возможность военной операции против Японии начала рассматриваться советским военным руководством еще в 1944 г. По воспоминаниям Маршала Советского Союза А. М. Василевского, летом 1944 г. после окончания Белорусской операции И. В. Сталин сказал, что ему будет поручено командование войсками Дальнего Востока в войне с милитаристской Японией. Первоначальные расчеты передислокации советских войск на границу с Маньчжурией были сделаны в Генеральном штабе уже осенью 1944 г.⁴⁹ Согласованный руководителями трех держав в Ялте срок вступления в войну против Японии на стороне союзников через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе, по словам А. М. Василевского, не стал неожиданностью для советского военного командования, так как еще до поездки в Крым И. В. Сталин поручил ему и А. И. Антонову подумать о возможности максимального сокращения времени, необходимого для подготовки военной кампании против Японии⁵⁰.

Постановлением ГКО СССР от 3 июня 1945 г. № 8916 сс/ов был утвержден состав советских войск и сил, предназначенных для переброски к границам Маньчжурии. Для этой грандиозной операции было выделено 690 частей (36 дивизий), которым надлежало прибыть в места передислокации в 946 специально подготовленных для этого эшелонах. Эта переброска войск началась уже с конца весны 1945 г.: с мая по 8 августа на границу с Маньчжурией в рамках беспрецедентной стратегической операции по перегруппировке советских войск на Восток были перевезены более 403 тыс. военнослужащих, 7137 орудий и минометов, 2119 танков и самоходных артиллерийских установок, 17 374 грузовика, около 1,5 тыс. тракторов и тягачей, свыше 36 тыс. лошадей⁵¹. К 9 августа советские войска на Дальнем Востоке насчитывали 1747 тыс. человек, 5250 танков, 5171 боевой самолет⁵². Всего к августу 1945 г. на Дальнем Востоке были развернуты одиннадцать общевойсковых, одна танковая, три воздушные армии, объединенные в три фронта, а также Тихоокеанский флот. Для общего руководства фронтами было создано Главное командование советскими войсками на Дальнем Востоке во главе с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским.

28 июня Ставкой Верховного главнокомандования был утвержден план войны с Японией, по которому все подготовительные мероприятия планировалось закончить к 1 августа 1945 г., а к самим боевым действиям предписывалось приступить по особому приказу. Перед войсками была поставлена задача ударами из МНР, Приамурья и Приморья расчленить войска Квантунской группировки, изолировать их в Центральной и Южной Маньчжурии и полностью ликвидировать разрозненные части противника⁵³.

Утром 24 июля в рамках проведения Потсдамской конференции лидеров большой тройки состоялось заседание Смешанного англо-американского комитета начальников штабов, а днем — совместное заседание членов Смешанного американо-британского комитета начальников штабов с представителями Генерального штаба Красной армии. На этих заседаниях было подтверждено, что Маньчжурия и Северная Корея отнесены к сфере операций советских войск и эти операции будут осуществлены параллельно с вторжением американцев на острова Кюсю и Хонсю. 26 августа в ходе дальнейших консультаций были окончательно разграничены зоны операций и достигнута договоренность об обмене группами связи⁵⁴.

Хотя наступление советских войск готовилось максимально скрытно, в японском руководстве, особенно после денонсации Москвой пакта о нейтралитете и завершения разгрома фашистской Германии, присутствовало понимание реальности угрозы войны Советского Союза против Японии. 6 июня на заседании Высшего совета по руководству войной его членам был представлен документ, в котором говорилось: «Советский Союз подготавливает почву по линии дипломатии, чтобы при необходимости иметь возможность выступить против Империи; одновременно он усиливает военные приготовления на Дальнем Востоке. Существует большая вероятность того, что Советский Союз предпримет военные действия

против Японии... Советский Союз может вступить в войну против Японии после летнего или осеннего периода»⁵⁵.

Поэтому нельзя считать, что объявление 8 августа 1945 г. Советским Союзом войны Японии стало абсолютной неожиданностью для японского руководства. Конечно, ему не была известна точная дата наступления советских войск, однако понимание неизбежности вооруженного выступления Москвы на стороне союзных держав присутствовало. По свидетельству заместителя начальника генерального штаба сухопутных сил Японии Т. Кавабэ, участие Советского Союза в войне «давно ожидалось, но это не означало, что мы были хорошо готовы к этому»⁵⁶.

В японских правящих кругах пристально следили за всеми нюансами отношений между Москвой, Вашингтоном и Лондоном, делая расчет на «неизбежность острых и непримиримых противоречий между социализмом и капитализмом», которые не позволят США и Великобритании привлечь СССР к участию в войне против Японии. Однако с 1944 г. появлялось все больше свидетельств того, что эти расчеты могут не оправдаться. Особо обеспокоило японское правительственное выступление И. В. Сталина 6 ноября 1944 г. на праздновании 27-й годовщины Октябрьской революции. В докладе подчеркивалось усиление сотрудничества СССР, США и Великобритании и впервые открыто среди агрессивных государств была названа Япония. Примечательно, что этот доклад был почти полностью опубликован в японской печати, включая оценку Японии как агрессивного государства. Выступление И. В. Сталина четко свидетельствовало о том, что советское руководство рассматривает Японию в качестве общего противника союзных держав и соответственно СССР.

Хотя ялтинские договоренности держались в секрете, в японском руководстве не могли не понимать, что в Ялте неизбежно должен был стоять вопрос об участии Советского Союза в войне против Японии. Уже 15 февраля 1945 г. на заседании Высшего совета по руководству войной представители военной разведки и министерства иностранных дел доложили о своих выводах относительно возможности того, что Советский Союз весной расторгнет советско-японский пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. и вступит в войну с Японией⁵⁷.

После денонсации пакта о нейтралитете в японском руководстве, особенно в министерстве иностранных дел, основными задачами японской стратегии были определены: добиваться, в том числе, если потребуется, путем уступок Советскому Союзу, включая территориальные, сохранения Москвой нейтралитета, а также попытаться привлечь советское руководство к посредничеству в переговорах Токио с Вашингтоном и Лондоном о заключении компромиссного мира. При этом не исключалось, что контакты с советским руководством по указанным вопросам могут быть истолкованы США и Великобританией как намерение договориться с Японией за спиной союзников и таким образом в качестве «дополнительного эффекта» будут способствовать их разобщению и даже расколу.

20 апреля министр иностранных дел С. Того в беседе с послом СССР в Токио Я. А. Маликом просил передать министру иностранных дел В. М. Молотову его пожелание встретиться с ним, если тот будет возвращаться в Москву из Сан-Франциско с конференции 25 апреля по учреждению ООН через Сибирь⁵⁸.

После разгрома фашистской Германии, который произвел на японское руководство удручающее впечатление, группировка, выступавшая за поиски компромиссного мира в противовес представителям военной верхушки, настаивавшей на продолжении войны всеми возможными средствами, активизировала свою деятельность. 14 мая на совещании Высшего совета по руководству войной, в состав которого входили премьер-министр, военный министр, министр военно-морского флота, министр иностранных дел, начальники штабов армии и флота, было принято решение предпринять дипломатические шаги с целью отвратить вступление СССР в войну, добиться его благоприятного отношения к Японии и при его посредничестве мира с Англией и США⁵⁹.

На совещании С. Того высказался за то, чтобы Япония ради достижения указанных целей была готова сделать значительные уступки Советскому Союзу. При этом участники совещания не выдвинули возражений против его предложения вернуть СССР Южный Сахалин, а также

восстановить «в общих чертах положение, которое существовало до русско-японской войны при условии вынесения за скобки вопроса об автономии Кореи, который будет решаться по усмотрению Японии, и нейтрализации Южной Маньчжурии»⁶⁰.

В своем решении Высший совет одобрил возвращение Советскому Союзу Южного Сахалина, северной части Курильских островов, прав на железные дороги в Маньчжурии, проход через Сангарский пролив между островами Хоккайдо и Хонсю, предоставление сферы влияния во Внутренней Монголии, а также аренды Порт-Артура и Дайрена. Соответствующий документ, согласно воспоминаниям С. Того, «был подписан участниками совещания... После согласования наших мер в отношении СССР я информировал Высший совет о своем намерении доверить бывшему премьеру Хирота проведение предварительных переговоров с советским послом»⁶¹. Примечательно, что указанные уступки почти полностью совпали с теми предложениями, которые МИД Японии разрабатывал еще в сентябре 1944 г. с целью заинтересовать Советский Союз в сохранении пакта о нейтралитете⁶².

В соответствии с решениями Высшего совета министр иностранных дел С. Того поручил бывшему премьер-министру К. Хироте встретиться с послом СССР в Японии Я. А. Маликом и довести до сведения советского руководства готовность японской стороны улучшить отношения с СССР, пока «пакт о нейтралитете находится еще в силе. А также передать предложение заключить двустороннее соглашение о взаимном поддержании мира в Восточной Азии и установлении отношений ненападения между двумя странами»⁶³. К. Хирота должен был действовать секретно, как неофициальное лицо. Его первая встреча состоялась с Я. А. Маликом 3 июня 1945 г., а на следующий день — еще одна.

Докладывая в Москву о содержании высказываний К. Хироты, посол информировал о том, что японское руководство заинтересовано в «установлении мирных и дружественных отношений с СССР и готово оформить это в договорном порядке». На очередной встрече 29 июня К. Хирота сообщил, что при условии заключения между Японией и СССР соглашения о взаимном поддержании мира в Восточной Азии и установлении отношений ненападения между двумя странами японская сторона была согласна на нейтрализацию Маньчжоу-Го и готова ликвидировать свои рыболовные права, если она будет снабжаться советской нефтью, и обсудить «все другие вопросы, которые советская сторона пожелает обсудить»⁶⁴.

В ответ на информацию о своих беседах с К. Хиротой Я. А. Малик 8 июля получил указание от В. М. Молотова «не втягиваться в этих и подобных беседах в обсуждение японских предложений... не дать никакого повода, чтобы японцы изобразили как переговоры ваши беседы». После таких инструкций советский посол начал избегать встреч не только с К. Хиротой, но и другими высокопоставленными японскими представителями⁶⁵.

Сознавая, что канал связи с Москвой через советского посла не работает, а также в связи с сообщениями о готовящейся встрече глав правительств трех союзных держав С. Того предложил направить в Москву бывшего премьер-министра принца Ф. Коноэ в качестве специального представителя императора Хирохито. 12 июля император одобрил это предложение, и на следующий день посол Японии в Москве Н. Сато на встрече с заместителем министра иностранных дел С. А. Лозовским, вручив послание императора, просил согласия на приезд в СССР его специального представителя. Примечательно, что послание императора не имело адресата, хотя Н. Сато и выразил пожелание, чтобы с ним «ознакомились глава государства Калинин и глава советского правительства Сталин». Кроме того, отмечалось, что поскольку «США и Англия настаивают на безоговорочной капитуляции, Империя будет вынуждена довести войну до конца... в результате неизбежно усиленное кровопролитие у народов обеих воюющих стран... и Его Величество, будучи крайне обеспокоен в этой миссии, изъявил пожелание, чтобы... в кратчайший срок был восстановлен мир»⁶⁶.

Решение о направлении в Москву Ф. Коноэ, полномочия которого по ведению возможных переговоров с представителями советского руководства не были оговорены, а также безадресное послание императора весьма неконкретного содержания свидетельствовали о полной растерянности в японских правящих кругах относительно хода войны, а также об отсутствии реалистичного видения ситуации вокруг Японии и понимания политики союзных держав.

Американский линкор «Миссури» на якорной стоянке в Токийском заливе

Генерал Ё. Умэдзу подписывает Акт о капитуляции Японии. 2 сентября 1945 г.

Американский адмирал Ч. Нимиц подписывает Акт о капитуляции Японии

Японские мирные жители молятся у токийского моста Нидзёбаси в день объявления о капитуляции Японии

18 июля в Москве С. А. Лозовский передал ответ советского правительства на послание императора. В нем указывалось, что «высказанные в послании императора Японии соображения имеют общую форму и не содержат каких-либо конкретных предложений. Советскому правительству представляется неясным также, в чем заключаются задачи миссии князя Коноэ». В заключение говорилось: «Ввиду изложенного советское правительство не видит возможности дать какой-либо определенный ответ по поводу миссии князя Коноэ, о которой говорится в Вашей ноте от 13 июля»⁶⁷.

24 июля Н. Сато получил телеграмму от С. Того. Министр поручал ему сообщить советскому правительству, что задачи миссии Коноэ заключаются в том, чтобы просить руководство Советского Союза о посредничестве с целью окончания войны. В его задачу также входило ведение переговоров с советским правительством об укреплении советско-японских отношений. 25 июля на встрече с С. А. Лозовским посол Японии передал эти разъяснения советской стороне, но в ответ никакой реакции не последовало⁶⁸.

28 июля на очередном заседании в Потсдаме И. В. Сталин информировал Г. Трумэна и нового премьер-министра Великобритании К. Эттли о том, что Япония обратилась к Советскому Союзу с предложением о посредничестве и сотрудничестве и что советское правительство эти предложения не приняло⁶⁹.

Выступив с Потсдамской декларацией, большая тройка рассчитывала на то, что она может быть принята японским руководством, и таким образом необходимость участия Советского Союза в войне против Японии отпадет. Однако 28 июля японское правительство отвергло Потсдамскую декларацию. Вслед за этим 30 июля посол Японии Н. Сато в беседе с С. А. Лозовским вновь передал обращение японской стороны с просьбой о посредничестве Советского Союза с тем, чтобы Япония смогла избежать безоговорочной капитуляции⁷⁰. Расчеты японского руководства на то, чтобы с помощью советского посредничества оттянуть наступление неизбежного поражения и добиться почетного мира, не оправдались. Несостоятельными оказались и прогнозы о возможности, если не предотвратить вступление в войну против Японии СССР, то хотя бы задержать его сроки.

17 июля в ходе Потсдамской конференции Г. Трумэн, обращаясь к И. В. Сталину, сказал: «США ожидают помощи от Советского Союза в войне против Японии». И. В. Сталин заявил, что СССР сдержит свое слово и будет готов вступить в боевые действия в середине августа⁷¹. На заседании в Потсдаме начальников штабов трех держав — СССР, США и Англии генерал армии А. И. Антонов подтвердил, что советские войска концентрируются на Дальнем Востоке и Советский Союз вступит в войну против Японии в указанные И. В. Сталиным сроки.

Текст Потсдамской декларации был подготовлен в Вашингтоне еще до начала Потсдамской конференции, но его передали для подписания У. Черчиллю и Чан Кайши только 24 июля. После получения от них согласия содержание декларации от 26 июля было передано по радио, а 27 июля опубликовано в газетах. Советское руководство не было предварительно ознакомлено с содержанием декларации, а лишь информировано о нем на том основании, что Советский Союз не находился в состоянии войны с Японией. Тем не менее с учетом предстоящего вступления СССР в войну с Японией такое отношение к союзнику нельзя не рассматривать как по меньшей мере недружественное.

Правящие круги Японии понимали, что Потсдамская декларация ставит вопрос об определенных изменениях в системе управления страной и принятие условий, содержащихся в ней, будет фактически означать согласие на проведение таких изменений. Хотя в Потсдамской декларации содержалось требование о безоговорочной капитуляции, в японском руководстве после ознакомления с ее текстом, переданным американским радио, сложилось мнение о возможности вступить с союзными державами в переговоры с тем, чтобы добиться пусть и небольшого, но пересмотра неблагоприятных для Японии положений декларации, а также уточнить некоторые из них. Поскольку подписи Советского Союза под декларацией не было, это расценивалось как возможность предпринять новые попытки привлечь Москву к осуществлению посреднических усилий.

Министр иностранных дел С. Того на состоявшемся 27 июля заседании Высшего совета по руководству войной выступил за принятие Потсдамской декларации. Его поддержал премьер-министр К. Судзуки. Однако начальник генерального штаба ВМФ С. Тоёда предложил выступить с заявлением правительства, отвергающим декларацию «как абсурдную» и не подлежащую рассмотрению. В конечном итоге, военная верхушка убедила премьер-министра К. Судзуки отвергнуть декларацию, что и было им сделано. На пресс-конференции 28 июля он заявил, что Потсдамская декларация является лишь перефразированием Каирской декларации 1943 г. и правительство Японии намерено игнорировать ее (в дословном переводе «убить молчанием»)⁷².

Таким образом, японское руководство приняло решение тянуть время, продолжая боевые действия. Расчет делался на то, что союзники еще окончательно не определились в своей политике в отношении Японии и могут смягчить требования, выдвинутые в Потсдамской декларации. При этом японские политики исходили из того, что идеалист Ф. Рузвельт умер, харизматичный и решительный У. Черчилль проиграл в Англии выборы и ушел со своего поста, а Советский Союз, которому выгодно иметь Японию на своей стороне в противовес Вашингтону и Лондону, еще окончательно не ответил на японский зондаж относительно его посредничества в переговорах Токио с англо-американским альянсом об условиях прекращения войны.

Политика японского руководства не спешить с принятием Потсдамской декларации, ничем не обоснованные расчеты на раскол в лагере союзных держав стали роковой ошибкой, принесшей огромные страдания и бедствия японскому народу. Непринятие японским руководством Потсдамской декларации послужило для Вашингтона оправданием применения в войне с Японией ядерного оружия. Однако были и другие причины.

Получив информацию о завершающей стадии создания атомного оружия и выслушав разъяснения военных о его предполагаемых разрушительных возможностях, президент Г. Трумэн пришел к заключению относительно того, что атомная бомба предоставляет США серьезные рычаги воздействия на мировую политику и значительно усилит средства давления на Советский Союз. Президент Г. Трумэн и его окружение исходили из того, что «атомная бомба должна быть использована прежде всего в качестве мощного сдерживающего фактора на пути советской экспансии в Европе, где красная волна уже успешно поглотила Румынию, Болгарию, Югославию, Чехословакию и Венгрию». Назначенный 3 июля 1945 г. госсекретарем США Дж. Бирнс полагал, что атомная бомба нужна больше для того, чтобы «сделать Россию более управляемой в Европе», нежели нанести поражение Японии⁷³. Он убеждал Г. Трумэна в том, что «бомба дает нам возможность продиктовать наши условия в конце войны»⁷⁴. А 26 июля в беседе с военно-морским министром Дж. Форрестолом он отмечал, что более всего озабочен тем, как бы «окончить все дела, связанные с Японией, до вступления в войну России». И добавил при этом, что только таким образом можно будет лишить СССР Дайрена и Порт-Артура⁷⁵.

В начале мая 1945 г. президент США учредил комитет из представителей военных и ученых для выработки рекомендаций по применению атомной бомбы. 1 июня члены комитета достигли согласия в том, что ее следует использовать возможно скорее против Японии и сбросить там, где имеется военный завод, окруженный жилыми массивами для рабочих, а также осуществить это без предварительного предупреждения японцев. В качестве конкретных целей комитет рекомендовал города Хиросиму, Кокуру, Ниигату и Киото. Впоследствии вместо Киото был определен город Нагасаки. В тот же день после утверждения указанных рекомендаций президентом США американским авиационным частям был отдан приказ не подвергать вышеупомянутые города авиационным бомбардировкам с тем, чтобы иметь полное представление о масштабах разрушений после применения атомной бомбы.

С получением в свое распоряжение оружия огромной разрушительной мощи в американском руководстве усилились позиции тех политических деятелей и военных руководителей, которые выступали против вступления СССР в войну против Японии на том основании, что теперь советская помощь в разгроме японской военной машины не является актуальной. Так,

военный министр Г. Стимсон записал в своем дневнике, что США «уже более не нуждаются в советской помощи».

Однако в целом американское руководство не считало целесообразным отказываться от участия СССР в войне против Японии. К тому же с учетом всех обстоятельств вряд ли это было возможным, когда Советский Союз уже фактически закончил приготовления к началу военных действий. Кроме того, имелось сомнение, что только применение ядерного оружия, а в то время США располагали всего двумя атомными бомбами, побудит японское руководство к капитуляции. Перед началом Потсдамской конференции объединенный разведывательный комитет США представил президенту Г. Трумэну документ, в котором подчеркивалось, что «вступление Советского Союза в войну окончательно убедило бы японцев в неизбежности полного поражения»⁷⁶.

Следует учитывать и тот факт, что, несмотря на рост неприязни американского руководства и лично Г. Трумэна к Советскому Союзу, Вашингтону приходилось считаться с возросшими в результате победы над Германией политическими и экономическими возможностями СССР и учитывать наличие соглашений между союзниками военного времени. Неслучайно в своих мемуарах госсекретарь Дж. Бирнс писал: «Я должен откровенно признаться, что испытал бы чувство удовлетворения, если бы русские решились не вступать войну... Однако соглашение было заключено, и мы вынуждены были придерживаться своих обязательств»⁷⁷.

И все же американское руководство рассчитывало на то, что Япония капитулирует до вступления СССР в войну, и это лишит советское руководство права претендовать на «свою долю» в победе. В этой связи Вашингтон оказывал давление на Китай, чтобы он затягивал переговоры с Советским Союзом о заключении договора о дружбе и союзе и о согласии на те условия советского участия в войне против Японии, которые затрагивали китайские интересы и были согласованы в Ялте. Как признавал Дж. Бирнс, «продолжение переговоров между Сталиным и Чан Кайши затянуло бы вступление в войну СССР, а японцы тем временем могли бы капитулировать. Президент разделял эту точку зрения»⁷⁸.

Действительно, Китай на переговорах пытался оспаривать ряд согласованных на Ялтинской конференции договоренностей об условиях вступления СССР в войну с Японией. Китайские представители выступили против признания независимости Внешней Монголии, то есть Монгольской Народной Республики, возражали против преимущественного положения СССР в Порт-Артуре и Дайрене, настаивали на передаче Китаю построенных Россией КВЖД и ЮМЖД, а также обслуживающих их промышленных предприятий.

Однако советской стороне удалось преодолеть сопротивление китайской делегации и зафиксировать в подписанном 14 августа 1945 г. договоре о дружбе и союзе свои основные интересы. По этому договору Советскому Союзу возвращалось утраченное в результате поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. право на использование военно-морской базы Порт-Артур и порта Дайрен. Советский Союз обеспечил право на совместное с Китаем использование Маньчжурских железных дорог — КВЖД и ЮМЖД, а также на совместное владение с китайской стороной крупными промышленными объектами, связанными с функционированием этих железных дорог. Стороны договорились об укреплении дружественных отношений и широкого сотрудничества, главной целью которого объявлялось предотвращение возрождения японской агрессии. При этом имелось в виду принятие обеими сторонами мер, которые сделали бы невозможным повторение агрессии и нарушение мира Японией.

6 августа американский бомбардировщик Б-52 сбросил на не имевший какого-либо серьезного военного значения город Хиросиму атомную бомбу, от взрыва которой погибли более 90 тыс. человек, были ранены 40 тыс. человек, а еще десятки тысяч японцев умерли впоследствии от радиоактивного облучения. После атомной бомбардировки Хиросимы в тот же день Белый дом выступил с официальным заявлением, в котором сообщалось об истории создания огромной разрушительной силы атомного оружия, а также содержалось предупреждение Японии, что в случае отказа от капитуляции ее «ожидает с воздуха такой поток разрушений, которого никогда не знала земля»⁷⁹.

Однако у Японии оставалось достаточно сил и средств, чтобы продолжить военные действия и на территории Китая и Кореи, и на Японских островах. Поэтому японское руководство не считало атомную бомбардировку достаточным основанием для прекращения боевых действий. Ситуация кардинально изменилась лишь после вступления в войну против Японии Советского Союза.

Заявление о вступлении с 9 августа Советского Союза в войну с Японией было передано народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым японскому правительству через японского посла в Москве Н. Сато на встрече с ним 8 августа. В заявлении отмечалось, что после разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония остается единственной державой, стоящей за продолжение войны, и она отклонила требования США, Великобритании и Китая от 26 июля о безоговорочной капитуляции. Тем самым, как было отмечено, предложение японского правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву. «Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому Союзу с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем самым сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира. Верное своему союзническому долгу, советское правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года... Ввиду изложенного советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией»⁸⁰.

Формально Советский Союз вступил в войну с Японией ранее истечения срока действия советско-японского пакта о нейтралитете (действовал до апреля 1946 г.). Однако, заявив 5 апреля 1945 г. о том, что пакт «потерял смысл», и о желании его денонсировать, советское правительство совершенно четко предупредило японское правительство о своем фактическом отказе от выполнения обязательств по содержанию пакта. Кроме того, во второй статье пакта говорится о том, что нейтралитет будет соблюдаться в том случае, если «одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав». Япония соблюдала, хотя и совершая многочисленные провокации на советской границе, нейтралитет, когда Советский Союз подвергся агрессии со стороны фашистской Германии. В то же время Япония инициировала нападение на Соединенные Штаты, Китай и вооруженные силы Англии, не будучи объектом агрессии. С этой точки зрения у советского правительства были основания руководствоваться не пактом, а обязательствами перед своими союзниками по антифашистской коалиции, что и было сделано.

Сразу же после встречи В. М. Молотова с японским послом Н. Сато в Кремль был приглашен американский посол А. Гарриман, которому И. В. Сталин сообщил о вступлении Советского Союза в войну с Японией. Президент Г. Трумэн 9 августа заявил о том, что «Правительство США... радушно приветствует участие в этой войне нашего славного и победоносного союзника»⁸¹. Премьер-министр Великобритании К. Эттли подчеркнул: «Объявление сегодня войны Советским Союзом против Японии является демонстрацией солидарности между союзными державами... Великобритания приветствует это великое решение Советской России»⁸².

Выступая в Палате общин уже в качестве бывшего руководителя британского правительства, У. Черчилль признал, что когда он и президент США рассматривали планы операции против Японии, разработанные военачальниками обеих стран, никто не мог сказать, сколько будет потеряно жизней британских и американских солдат, «как долго Япония будет продолжать оказывать сопротивление на огромном количестве территорий, которые она захватила, и в особенности на территории собственно Японии». У. Черчилль заявил, что было бы ошибкой полагать, будто объявление Советским Союзом войны Японии было ускорено применением атомных бомб⁸³.

В послании И. В. Сталину 9 августа Чан Кайши подчеркивал: «Объявление Советским Союзом с сегодняшнего дня войны против Японии вызвало у всего китайского народа чувство глубокого воодушевления. В самом начале оборонительной войны Китая Советский

Союз первым оказал нам величайшую моральную и материальную помощь, за которую наш народ преисполнен признательности»⁸⁴.

Вступление Советского Союза в войну стало ударом для японской правящей элиты, как гражданской, так и военной. Политически и дипломатически оно разрушило какие-либо надежды на окончание войны с помощью советского посредничества. Император Японии Хирохито приказал лорду-хранителю печати К. Кидо «быстро овладеть ситуацией, поскольку Советский Союз объявил нам войну и начал сегодня боевые действия»⁸⁵.

9 августа в 11 часов состоялось заседание Высшего совета по руководству войной. «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза, — заявил премьер-министр Японии К. Судзуки, — ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны»⁸⁶. Теперь уже возражений против принятия Потсдамской декларации выдвинуто не было. Вместе с тем высказывалось мнение о том, чтобы настаивать на сохранении «национальной государственности, то есть прежде всего неприкосновенности императорского дома» как на неперемennom условии принятия декларации. Военные выдвинули дополнительные условия: по возможности избежать оккупации Японии, самостоятельно осуществить разоружение и наказать военных преступников. Если эти условия не будут приняты, то японские военные руководители, особенно представители армии, выступали за продолжение боевых действий на японской территории.

Незадолго до полуночи 9 августа было созвано заседание Высшего совета по руководству войной уже в присутствии императора, в котором принимали участие премьер-министр, министр иностранных дел, министры родов войск, начальники штабов, председатель Тайного совета барон К. Хиранума. Премьер-министр К. Судзуки доложил императору о разногласиях по вопросу о Потсдамской декларации: принять при условии, что не будет никакого требования, которое могло бы нанести ущерб установленному традицией статусу императора, или принять с дополнительными условиями, выдвинутыми армейским командованием. Поскольку раскол во мнениях сохранялся, в том числе и на заседании в присутствии императора, премьер-министр «попросил прощения за необходимость смиренно испросить императорское решение». Император высказался в том духе, что «полагаться на уверенность родов войск в окончательной победе нельзя», и сейчас, «вынося невыносимое, он принимает условия Потсдамской декларации с тем, чтобы сохранить национальную государственность»⁸⁷.

Ранним утром 10 августа через правительство Швейцарии, представлявшее интересы Японии, США было передано сообщение-нота о том, что «правительство Японии готово принять условия, перечисленные в совместной декларации, опубликованной в Потсдаме 26 июля 1945 г. главами правительств Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая и затем подписанной советским правительством, при условии, что обозначенная декларация не содержит какого-либо требования, которое наносит ущерб прерогативам Его Величества как суверенного правителя»⁸⁸.

В ответе, поступившем в Токио 12 августа и направленном Государственным департаментом США от имени правительств Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая правительству Японии, говорилось, что «с момента капитуляции власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена верховному командующему союзных держав» и что «форма правительства Японии, в конечном счете, будет в соответствии с Потсдамской декларацией установлена свободно выраженной волей японского народа»⁸⁹.

В министерстве иностранных дел Японии при переводе текста для правительства были несколько изменены акценты в вопросе, касающемся императора, так как существовало опасение, что фраза «власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена верховному командующему союзных держав» вызовет укрепление позиций группировки, выступающей за продолжение военных действий. Поэтому в переводе на японский язык было записано, что «власть императора и японского правительства будет ограничена союзными державами»⁹⁰.

Даже в таком виде ответ вызвал недовольство у части правящих кругов Японии, в том числе у председателя Тайного совета барона К. Хиранумы, представителей военных кругов, премьер-министра К. Судзуки⁹¹. На заседаниях кабинета министров военный министр К. Анами продолжал настаивать на необходимости продолжать добиваться изменения условий капитуляции и готовиться к проведению «еще одного сражения». Его поддерживали министр внутренних дел Г. Абэ и министр юстиции Х. Мацудзака.

14 августа в связи с отсутствием единства среди членов кабинета министров относительно реакции на ответ союзных держав у императора вновь было собрано совещание. Представители армии повторяли свою позицию: поскольку отсутствует уверенность в сохранении японской национальной государственности, «нет иного выхода, кроме продолжения борьбы даже ценой сотни миллионов жизней»⁹². Всё решило выступление императора, который заявил, что он «при зрелом рассмотрении условий внутри страны и за ее пределами, и особенно учитывая ход войны, твердо решил принять Потсдамскую декларацию». При этом он отметил, что исходит из отсутствия в Потсдамской декларации положений, имеющих в виду подрыв национальной государственности Японии. «Однако если в настоящий момент войну не прекратить, боюсь, что национальная государственность будет уничтожена и народ погибнет»⁹³. Совещание закончилось, по свидетельству С. Того, весьма эмоционально: «Слушая речь императора, все присутствующие плакали»⁹⁴.

Вывод императора о том, что монархии удастся отстоять, был не в последнюю очередь сделан на основании того, что ни в Потсдамской декларации, ни в других документах союзных держав прямо не говорилось о ликвидации императорского правления в Японии.

Поздним вечером 14 августа был подготовлен императорский рескрипт о принятии Потсдамской декларации, который сразу же направлен правительствам США, Великобритании, СССР и Китая через правительство Швейцарии. 15 августа по радио выступил император, сообщивший о принятии условий Потсдамской декларации и своем решении прекратить войну. 16 августа всем войскам был передан приказ прекратить военные действия, а 17 августа император обратился с посланием к солдатам и офицерам японской армии, в котором основной причиной капитуляции назвал вступление в войну Советского Союза, при этом атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки не упоминались. В обращении говорилось: «Теперь, когда в войну вступила Россия, дальнейшее продолжение войны с точки зрения внутренней и внешней обстановки в нашей стране повлекло бы за собой новые жертвы и страдания и могло бы привести к потере основ нашей Империи»⁹⁵.

Получив сообщение о вступлении Советского Союза в войну, японское военное командование, однако, приняло решение начать военные действия против СССР, отдав директиву Квантунской группировке войск «повсеместно развернуть действия с целью последующего разгрома Советского Союза». Японским экспедиционным войскам в Китае было приказано оказать помощь в этом войскам Квантунской группировки⁹⁶. В соответствии с этими директивами японские войска вели ожесточенное сопротивление наступающим советским войскам.

Однако войска Красной армии, хорошо подготовленные, имевшие опыт войны с немецко-фашистскими армиями, вооруженные первоклассным по тому времени оружием под руководством военного командования, неоднократно проводившего крупнейшие военно-стратегические операции, в короткий срок сломали оборону японских войск в передовых районах и быстрыми темпами продвигались по территории Маньчжурии.

Приказ императорской ставки войскам армии и силам флота о прекращении войны, отправленный 16 августа, не был, однако, своевременно доведен до войск Квантунской группировки. 17 августа главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А. М. Василевский направил в связи с этим главнокомандующему войсками Квантунской группировки войск генералу О. Ямаде радиogramму, в которой, в частности, потребовал от японского военачальника «с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен»⁹⁷. Ультиматум советского главнокомандующего был подкреплен решительными действиями войск. Чтобы ускорить процесс капитуляции и немедленно взять под контроль наиболее

важные объекты на территории противника, 18–23 августа в крупнейших административных центрах Маньчжурии и Северной Кореи были высажены воздушные десанты.

Несмотря на продолжение на ряде направлений сопротивления японских войск, разоружение Квантунской группировки было завершено к концу августа. На Южном Сахалине боевые действия завершились 25 августа, на Южных Курильских островах — 1 сентября. В ходе боевых действий японские войска потеряли около 84 тыс. солдат и офицеров, в плен были взяты более 640 тыс. японских военнослужащих, включая генерала О. Ямаду⁹⁸. Вооруженные силы СССР потеряли в войне с Японией убитыми, ранеными и пропавшими без вести 36 456 человек⁹⁹.

В ходе советской военной кампании возник ряд осложнений в советско-американских отношениях. В подписанном 14 августа верховным главнокомандующим вооруженными силами союзных держав генералом Д. Макартуром «Общем приказе № 1» о капитуляции японских вооруженных сил не было указаний о том, что японские гарнизоны на Курильских островах должны сдаваться и капитулировать перед войсками СССР. Это могло расцениваться как отход Вашингтона от ялтинских договоренностей о переходе Курил к Советскому Союзу. Получив 15 августа текст приказа, переданного в телеграмме Г. Трумэна, И. В. Сталин предложил внести в него следующие поправки: включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо от города Румои до города Кусиро. Объясняя свою позицию в пользу оккупации советскими войсками территории собственно Японии, И. В. Сталин отметил, что «это... имеет особое значение для русского общественного мнения. Как известно, японцы в 1919–1921 гг. держали под оккупацией своих войск весь советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы сильно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории»¹⁰⁰.

Вопрос об оккупации острова Хоккайдо обсуждался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР с участием советских военачальников еще 26–27 июня 1945 г. в ходе рассмотрения готовности к началу военных действий на Дальнем Востоке. Хотя никакого решения по этому вопросу тогда принято не было, по указанию И. В. Сталина осуществлялась подготовка десантной операции на остров Хоккайдо, о чем маршал А. М. Василевский регулярно докладывал лично Верховному главнокомандующему. 18 августа ему был направлен приказ о подготовке к высадке на остров Хоккайдо с 19 августа по 1 сентября¹⁰¹.

17 августа был получен ответ на предложения И. В. Сталина от Г. Трумэна. В нем содержалось согласие «включить все Курильские острова в район, который должен капитулировать перед главнокомандующим советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке». Предложение об оккупации советскими войсками части острова Хоккайдо было отвергнуто без каких-либо объяснений¹⁰².

В связи с отказом допустить советские войска на остров Хоккайдо соответствующий приказ А. М. Василевскому был отменен. Недовольство И. В. Сталина позицией Г. Трумэна выразилось в отказе удовлетворить просьбу США предоставить базы на Курильских островах. Советский руководитель реагировал на эту просьбу довольно резко, подчеркнув, что «требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзного государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории»¹⁰³.

Японские войска в Китае капитулировали перед гоминьдановскими войсками, на чем особенно настаивал Чан Кайши. Для принятия капитуляции гоминьдановские войска на американских кораблях и самолетах перебрасывались из западных и юго-западных районов Китая в Шанхай, Пекин, Тяньцзинь, Гуанчжоу и другие крупные города. На Китайском театре военных действий была принята капитуляция 1280 тыс. японских и 1460 тыс. марионеточных войск¹⁰⁴.

Одновременно войска КПК, дислоцированные в Северном и Центральном Китае, начали продвижение в районы расположения японцев. Начались столкновения вооруженных сил КПК с гоминьдановскими войсками. Руководство КПК рассчитывало на поддержку своих

действий против Гоминьдана Советским Союзом и на вовлечение советских войск в гражданскую войну. Однако в тот период СССР придерживался положений договора о дружбе и союзе от 14 августа 1945 г. и проводил политику невмешательства во внутренние дела Китая.

Тем не менее разгром Квантунской группировки войск, освобождение Маньчжурии Красной армией от японской оккупации создали для КПК возможность для формирования в северо-восточных районах страны своей опорной базы. Хотя Советский Союз не вмешивался во внутренние дела Китая, советские войска и советская военная администрация, находясь в этих районах около года, серьезно ограничивали попытки гоминьдановского руководства взять под свой контроль Северо-Восточный Китай. По мере вывода из Маньчжурии советских войск Чан Кайши начал направлять туда гоминьдановские войска, которые заняли южную часть Маньчжурии, но не решились на продвижение в глубь маньчжурской территории.

В советском руководстве в конечном итоге был взят курс на фактический отказ признания центрального правительства Китайской Республики единственным законным правительством этой страны. Хотя И. В. Сталин заверял находившегося в Москве в конце декабря 1945 г. — начале января 1946 г. по поручению Чан Кайши его сына Цзян Цзинго в неизменности поддержки руководства Китайской Республики, начался процесс передачи Маньчжурии в руки администрации, сформированной китайской компартией. К концу 1946 г. Маньчжурия оказалась полностью под контролем КПК, превратилась в военно-революционную базу, с которой вооруженные силы компартии развернули наступление по всей территории страны, разгромили гоминьдановские войска, а 1 октября 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика.

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе состоялась официальная церемония подписания Акта о капитуляции Японии. С японской стороны этот документ от имени императора и правительства Японии подписали министр иностранных дел М. Сигэмицу и представитель имперской ставки Японии начальник генерального штаба Ё. Умэдзу, от союзных держав — генерал Д. Макартур, от США — адмирал Ч. Нимиц, от Китайской Республики — Су Юнчан, от Великобритании — Б. Фрезер, от СССР — генерал-лейтенант К. Н. Деревянко, затем представители Австралии, Канады, Франции, Нидерландов и Новой Зеландии. В Акте о капитуляции Японии провозглашалось принятие Японией условий Потсдамской декларации союзных держав — США, Китая и Великобритании, к которым присоединился Советский Союз.

Вторая мировая война, развязанная державами оси — Германией, Италией и Японией и приведшая к невиданным в истории человечества гибели людей и материальным разрушениям, завершилась полным разгромом и капитуляцией агрессоров. Советский Союз, вынесший основную тяжесть борьбы с вооруженными силами гитлеровской Германии и ее союзниками на Европейском театре военных действий, сыграл огромную роль в обеспечении ускоренного завершения войны на Востоке. Вступление СССР в войну против Японии и разгром наиболее боеспособной более чем миллионной японской Квантунской группировки войск явились решающими факторами в принятии Токио решения о безоговорочной капитуляции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Документы и материалы. Т. IV. Кн. 1. 1937–1944 гг. М., 2000. С. 163.

² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1984. С. 145.

³ *Ржевский О. А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии. 1941–1942 гг. М., 1997. С. 58.

⁴ *Deane I.* The Strange Alliance. N. Y., 1947. P. 226.

⁵ Library of Congress. The Collection of the Manuscript Division. The Papers of Raymond Clapper, Container 50.

⁶ АВП РФ. Ф. 129. Оп. 26. П. 143. Д. 6. Л. 15.

⁷ *Черчилль У.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1991. Т. 2. С. 289.

⁸ Там же. С. 291.

⁹ *Hull C.* Memoirs. Vol. 11. N. Y., 1948. P. 1309–1310.

¹⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). М., 1978. С. 95.

¹¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 109–110.

¹² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 471–472.

¹³ Там же. Т. 2. С. 271–272.

¹⁴ *Churchill W.* The Second World War. Vol. VI. Triumph and Tragedy. L., 1954. P. 389.

¹⁵ При заключении пакта о нейтралитете японская сторона обязалась ликвидировать эти концессии не позднее октября 1941 г., однако не сделала этого, воспользовавшись тяжелым положением Советского Союза, который после нападения фашистской Германии вынужден был не ставить этот вопрос, чтобы не давать Токио повода для осуществления военных акций против СССР.

¹⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 20–21.

¹⁷ См. подробнее: *Израэля В. Л., Кутаков Л. Н.* Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М., 1967. С. 388–390.

¹⁸ FRUS. Vol. 1. The Conference at Malta and Yalta, 1945. Washington, 1961. P. 368.

¹⁹ Journal of North Asian Studies 14,3 (FALL 1995). P. 3–49.

²⁰ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 270–273.

²¹ *Черевко К. Е., Кириченко А. А.* Советско-японская война (9 августа — 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы. М., 2006. С. 189.

²² *Rose L.* After Yalta. America and the Origins of the Cold War. N. Y., 1973. P. 25.

²³ *Громыко А. А.* Памятное. В 2-х кн. М., 1988. Кн. 1. С. 189–191.

²⁴ *Willmot C.* Stalin's Great Victory. N. Y., 1950. P. 830.

²⁵ *Churchill W.* The Second World War. Vol. VI. P. 340–342.

- ²⁶ Ibid. P. 295.
- ²⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. Документы и материалы. 1 января — 3 сентября 1945 г. М., 1947. С. 111–112.
- ²⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013. С. 434.
- ²⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. Документы и материалы. 1 января — 3 сентября 1945 г. С. 111–112.
- ³⁰ Кузнец Ю. Л. От Пёрл-Харбора до Потсдама. М., 1970. С. 148–149.
- ³¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 775.
- ³² Российская газета. 10 мая 2010 г.
- ³³ Здесь и далее о беседе: The National Archives General Records of the Department of the State, Summary of Hopkins — Stein Conversation, 1945. June 1945.
- ³⁴ Известия. 6 апреля 1945 г.
- ³⁵ Славинский Б. Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история. 1941–1945 гг. М., 1995. С. 266–267.
- ³⁶ Harriman A. Peace with Russia. L., 1960. P. 4–5, 70.
- ³⁷ Truman H. S. Memoirs. Years of Decisions. Vol. 1. Washington, 1955. P. 72.
- ³⁸ Кузнец Ю. Л. Указ. соч. С. 259.
- ³⁹ The National Archives. General Records of the Department of the State. Summary of Hopkins-Stalin Conversation; 1945. June 1945.
- ⁴⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 1. Основные события войны. С. 592; Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. С. 456–459.
- ⁴¹ Хаяси С. Японская армия в военных действиях на Тихом океане / Пер. с англ. М., 1964. С. 164, 169.
- ⁴² Хаттори Т. Дайтоа сэно дзэнси (Полная история войны в великой Восточной Азии). Токио, 1979. С. 981, 1006–1007.
- ⁴³ Stimson H., Bundy McG. On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948. P. 619.
- ⁴⁴ FRUS. The Conference of Berlin (the Potsdam Conference), 1945. Washington, 1960. P. 905.
- ⁴⁵ Relations with China: Reference to the Period 1944–1945. Washington, 1949. P. VIII; The Japan Times. August 15, 1984; Stimson H., Bundy M. On Active Service in Peace and War. P. 619; Churchill W. The Second World War. Vol. VI. P. 545; Зимонин В. П. Принуждение агрессора к миру: Советский Союз и победная точка во Второй мировой войне. М., 2011. С. 108.
- ⁴⁶ Command Decisions. Ed. by R. Greenfield. Washington, 1987. P. 503.
- ⁴⁷ Truman H. S. Memoirs. Years of Decisions. Vol. 1. P. 314.
- ⁴⁸ Ibid. P. 411.
- ⁴⁹ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1989. С. 501.
- ⁵⁰ Освободительная миссия на Востоке. М., 1976. С. 3.
- ⁵¹ История Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Т. 2. М., 1980. С. 193.
- ⁵² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. С. 472.
- ⁵³ Василевский А. М. Указ. соч. С. 563.
- ⁵⁴ FRUS. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). P. 345, 350–353.
- ⁵⁵ Хаттори Т. Япония в войне 1941–1945 гг. / Пер. с яп. М., 1973. С. 541.
- ⁵⁶ Hasegawa Tsuyoshi. The Atomic Bombs and the Soviet Invasion: What Drove Japan's Decision to Surrender // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus.
- ⁵⁷ Кошкин А. А. Россия и Япония: узлы противоречий. М., 2010. С. 295.
- ⁵⁸ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 269. Д. 4. Л. 75–76.
- ⁵⁹ Сюээнсироку гаймусё. Документы об окончании войны. МИД Японии. Токио, 1952. С. 330.
- ⁶⁰ Того С. Вспоминания японского дипломата / Пер. с англ. М., 1996. С. 441.
- ⁶¹ Там же. С. 441.

- ⁶² Кошкин А. А. Указ. соч. С. 299.
- ⁶³ Того С. Указ. соч. С. 441.
- ⁶⁴ Вестник Министерства иностранных дел СССР. № 19/77. 15 октября 1996 г. С. 43–53.
- ⁶⁵ Там же. С. 53.
- ⁶⁶ АВП РФ. Ф. 013 Оп. 7. П. 7. Д. 71. Л. 43.
- ⁶⁷ Вестник Министерства иностранных дел СССР // Октябрь. 1990. № 19 (77). С. 54.
- ⁶⁸ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 7. П. 7. Д. 71. Л. 44–48.
- ⁶⁹ Славинский Б. Н. Указ. соч. С. 292.
- ⁷⁰ Там же. С. 294.
- ⁷¹ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 мая — 2 августа 1945 г.). Сб. документов. М., 1980. С. 43.
- ⁷² Того С. Указ. соч. С. 46–62.
- ⁷³ Зимонин В. П. Атомные бомбардировки Японии: военные и политические последствия // Независимое военное обозрение. № 28. 30 июля 2010 г.
- ⁷⁴ Truman H. S. Memoirs. Years of Decisions. Vol. 1. P. 85.
- ⁷⁵ The Forrestell Diaries. N. Y., 1951. P. 55–56, 78.
- ⁷⁶ The Entry of the Soviet Union into the War Against Japan: Military Plans. 1941–1945. Washington, 1955. P. 87.
- ⁷⁷ Byrnes J. Speaking Frankly. N. Y., 1947. P. 208.
- ⁷⁸ Byrnes J. All in One Lifetime. N. Y., 1958. P. 291.
- ⁷⁹ FRUS. Vol. 2. The Conference of Berlin (Potsdam), 1945. P. 1376–1377.
- ⁸⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. Документы и материалы. 1 января — 3 сентября 1945 г. С. 362–363.
- ⁸¹ Tompkins P. American-Russian Relations in the Far East. N. Y., 1949. P. 297.
- ⁸² Правда. 10 августа 1945 г.
- ⁸³ Правда. 19 августа 1945 г.
- ⁸⁴ Правда. 16 августа 1945 г.
- ⁸⁵ Бикс Г. Хирохито. Создание современной Японии. М., 2002. С. 425.
- ⁸⁶ Иноуэ К., Оконоги С., Судзуки С. История современной Японии / Пер. с яп. М., 1955. С. 264; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. Документы и материалы. 1 января — 3 сентября 1945 г. С. 362–363.
- ⁸⁷ Того С. Указ. соч. С. 472.
- ⁸⁸ Там же. С. 472.
- ⁸⁹ Сборник документов МИД СССР. 1943–1946 гг. М., 1946. С. 30.
- ⁹⁰ Синобу Сэйдзабуро. Сэнго нихон сэйдзиси (Политическая история послевоенной Японии). Токио, 1965. Т. 1. С. 112.
- ⁹¹ Брукс Л. За кулисами японской капитуляции. М., 1971. С. 202–210.
- ⁹² Того С. Указ. соч. С. 483.
- ⁹³ Там же. С. 483.
- ⁹⁴ Там же. С. 484.
- ⁹⁵ Хаттори Т. Япония в войне 1941–1945 гг. С. 576.
- ⁹⁶ Там же. С. 558–559.
- ⁹⁷ Правда. 17 августа 1945 г.
- ⁹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 66. Оп. 3191. Д. 23. Л. 12; Ф. 234. Оп. 310119. Д. 1. Л. 21; ЦВМА. Ф. 291. Д. 24087. Л. 191; Ф. 129. Д. 17777. Л. 30; Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. М., 1962. С. 504–505.
- ⁹⁹ Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 177; Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование военной кампании на Дальнем Востоке. М., 1993. С. 223, 303.
- ¹⁰⁰ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1989. С. 285.

¹⁰¹ *Черевко К. В., Кириченко А. А.* Советско-японская война (9 августа — 2 октября 1945 г.). Рассекреченные архивы. С. 254.

¹⁰² Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 286.

¹⁰³ *Grew J. C.* Turbulent Era: A Diplomatic Record of Forty Years, 1904–1945, Part II. Boston, 1952. P. 1456–1458.

¹⁰⁴ *Горбачев Б. Н.* Третий фронт — азиатская часть Второй мировой войны // Независимое военное обозрение. № 32. 27 августа 2010 г.